

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

ВДРЕБЕЗГИ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.
К26 Вдребезги / О. Карпович. — М.: RUGRAM, 2024. — 424 с.

ISBN 978-5-521-91133-2

София смелая и волевая женщина, успешно управляющая корпорацией. Никто не догадывается, что глубоко внутри она хрупкое и ранимое существо. Ведь когда-то Соня пережила чудовищную трагедию, лишившись брата-близнеца. Прилетев в Стамбул по делам, она случайно встречает свое отражение в актере Берканте. Он хочет казаться сильным и потому, случайно открывшись Софии, жестоко отвергает ее. Но поймет ли Беркант, что они — единственное, что есть друг у друга? И если жизнь одного из них разлетится вдребезги, сгинет и другой.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91133-2
© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

*Все имена и события
в произведении вымышлены,
любые совпадения случайны*

Я стала волком, одержимым запахом крови, я шла по следу изо дня в день — голодная, коварная, беспощадная.

Мне нравилось думать о том, что ты можешь чувствовать. Нравилось предугадывать твои мысли и вместе с тобой ощущать твою панику, твой страх перед сумасшедшим преследователем.

Мне нравилось осознавать, что я смогла нарушить остатки твоего покоя, нравилось знать, что ты потерял сон, потерял дело своей жизни.

Из-за меня...

Я знала тебя, бедную невинную овечку, по опасному лесу, не останавливаясь, не давая передохнуть, исключительно точно зная, что скоро твои силы иссякнут. Ты сломаешься, упадешь, и тогда я, я опрометью метнусь к тебе, но не стану переигрывать тебе яремную вену, нет, это потом... Сначала я загляну тебе в глаза, эти нечеловечески прекрасные глаза цвета вод Босфора. Всегда непостоянного, всегда меняющегося цвета. От темно-синего до аквамаринового.

Я загляну тебе в глаза еще раз, чтобы запомнить их утасяющий блеск навсегда. Чтобы напомнить себе, как я любила тебя. Волчья память бесконечно длинная, и последним прикосновением, последним твоим дыханием я умоюсь, словно чистой росой, и избавлюсь от душного морока последних месяцев.

Я вспомню все и на миг перестану ненавидеть тебя, я прощу тебя, зная, что это конец, я прощу тебя, глядя тебе в глаза, и отпущу тебе все грехи, словно священник на исповеди.

Я обязательно поцелую тебя, Беркант, я поцелую твои уста на прощание, перед тем как нам перестать быть. Дотронуся сухими губами до твоей шеи, прежде чем кровь навсегда перестанет пульсировать в ней...

ЧАСТЬ I

1

...Мой светлоокий брат, единственный ангел, в которого я верю... Иногда я смотрю в зеркало и вглядываюсь, вглядываюсь в собственные черты до рези в глазах... Когда-то мы были с тобой похожи, а теперь уже, кажется, нет... Я ищу тебя везде, где только можно, и не нахожу...

Мы так давно не виделись с тобой, и все же отчего-то мне кажется, что ты все время где-то рядом. И однажды настанет день, когда я все-таки тебя найду...

* * *

Над весенней Москвой лежала серебристо-розовая зябкая предутренняя дымка. Солнце еще не выползло из-за горизонта, лишь окрасило алым край посветлевшего неба, заиграло на окнах уходящих ввысь небоскребов, задрожало на темно-красных «ласточкиных хвостах» древнего Кремля, задребезжало бликами на золотых церковных маковках. Огромный город, так причудливо соединивший в себе старое и новое, благочестивое и безбожное, европейское и азиатское, не

спал никогда, даже глубокой ночью, но в этот час он словно бы замедлял свой бег, нежась в предрассветной истоме, сладко позевывал и рассеянно наблюдал за происходящим на своих улицах, проспектах и площадях.

Машин в такое время на дорогах было немного, и мощный, поблескивавший хромированными боками мотоцикл лихо промчался по полупустой набережной, мимо сохранившихся с позапрошлого века зеленых, желтых, голубых «пряничных» домиков, и свернул на тяжелый бетонный мост. Под мостом неспешно катила розовеющие в рассветном свете воды река, изредка лениво плеская в гранитные берега мелкой волной. Внизу, у городской пристани дремал, намаявшись за день катать туристов, изящный белый пароходик. А там, на другом берегу реки, тихо шелестели за бордовой кремлевской стеной набухшие почками ветви деревьев Тайницкого сада.

Мотоцикл, всхрапнув, как разгоряченный конь, остановился у парапета. Легкая, гибкая, затянута в черное фигура соскочила с него, перемахнула через загородку, отделяющую проезжую часть от пешеходной зоны, и остановилась у каменных перил. Женщина помедлила несколько секунд, обернулась, словно в последний раз хотела взглянуть на уже показавшийся из-за блестящих стеклом и сталью высоток оранжевый край солнца, на золотящиеся маковки старинных соборов, на шелестящие еще голыми ветвями парки и скверы. Затем снова повернулась к воде, стянула с головы мотоциклетный шлем, отбросила его в сторону и вдруг ловко вскочила на парапет. Проезжавший мимо потертый «фольксваген» замедлил ход, водитель высунулся из окна, загудел, прокричал что-то. Но

женщина не обратила на это никакого внимания, даже не дернулась на резкий звук клаксона. С минуту постояла на самом краю, вытянувшись в струну, расправив спину и чуть откинув голову, так, что собранные тонкой резинкой в хвост светло-русые волосы кончиками касались проглядывавших под черной тканью острых лопаток. Затем в одну секунду вся собралась, сжалась, будто тугая пружина, оттолкнулась от каменного парапета и ухнула вниз.

Водитель «фольксвагена», выматерившись себе под нос, выскочил из машины и бросился к перилам, на ходу выуживая из кармана мобильник. Досада брала — что же он не сориентировался сразу, какого лешего медлил и хлопал глазами? Такое бы видео можно было снять — баба кончает с собой прямо в центре города среди бела дня. Да еще как пафосно — мост, «Харлей», все дела. Журналиги с руками бы оторвали, никаких денег не пожалели. А теперь если что и успеешь запечатлеть, так только бултыхающийся под мостом трупак.

Водитель, однако, на всякий случай щелкнул и остывающий у парапета мотоцикл, и валяющийся рядом сброшенный шлем. Затем подскочил к перилам, навалился животом на остывший за ночь гладкий мрамор и посмотрел вниз, готовясь увидеть в воде безжизненно обмякшее женское тело. Но, к своему удивлению, ничего подобного не увидел. Самоубийственная баба определенно была жива, да еще и, похоже, отлично себя чувствовала — быстро приближалась к берегу, рассекая речную воду широкими мужскими гребками. Руки, обтянутые черным, блестящим от влаги материалом, так и мелькали в уже продернутом первыми солнечными лучами утреннем воздухе. Внизу, под мостом, бабу, как

оказалось, ждали, видимо, такие же отмороженные. Незадачливый стихийный папарацци видел, как она подплыла к берегу и какой-то бородач в черной кожаной жилетке тут же подскочил, протянул лапищу и помог женщине забраться на ведущие к воде широкие каменные ступени. Она вышла на сушу, повела плечами, мотнула головой, стряхивая с волос воду — брызги, заискрившись разноцветными огоньками, полетели в разные стороны. Черный гидрокостюм — только теперь водитель сообразил, что это было на ней надето, — облепил ее, демонстрируя все изгибы крепкого мускулистого тела. Над узким воротом показался край какой-то замысловатой татуировки.

Дежурившая под мостом чокнутая компашка обступила прыгунью — кто хлопал по плечу, кто горячо говорил что-то. Женщина же отвечала то одному, то другому, а сама улыбалась — так широко, лихо и заразительно, что водителю на секунду и самому захотелось плюнуть на все и сигануть с моста, раз уж это дает впоследствии такой кайф.

Он встряхнулся, как собака, отгоняя дурацкие мысли, на всякий случай все-таки сделал несколько снимков отвязной бабы и ее приятелей, а затем развернулся и побрел к машине, бормоча себе под нос:

— Вот же долбанутые... Экстремалы, мать твою так!

* * *

— Это было круто! Отличный прыжок, очень техничный, — распинаясь белобрысый парень с «тоннелем» в левом ухе.

София знала его, несколько раз видела на очередных слетах тусовки экстремальщиков. Кажется, это он выделял головокружительные сальто на велосипеде.